

За окном кружился мягкий пушистый снег. Казалось, он должен быть теплым и сладковатым на вкус, как хлопья сахарной ваты. Но это была иллюзия. Юлька понимала, что стоит только дотронуться до слипшихся снежинок, как они растают на глазах, оставив одно лишь воспоминание о высокохудожественном творчестве Деда Мороза, сидевшего где-то там в облаках и старательно вырезавшего всю эту ювелирную «снежиночную» красоту. Мучительно хотелось чего-то красивого и сказочного, но настроение строптиво падало и тоскливо лежало под ногами сморщенной половой тряпкой, вместо того, чтобы парить в небесах белым лебедем, как положено. Мысли молотком стучали по макушке, вбивая Юльку, словно гвоздик, в вязкую депрессию.

Она стояла у окна, уткнувшись лбом в ледяное стекло, и старалась ни о чем не думать. Подоконник неприятно холодила руки, шевелиться было лень. Внизу маленькая пухлая бабулька тащила к помойке осыпающуюся елку. На полуголых ветках еще поблескивали остатки серебряного дождика, несчастное деревце свое отслужило, ведь новогодний праздник уже закончился. Неумолимо надвигались будни. Отогнуть навязчивые мысли не удавалось. Они липли, словно мухи к варенью, разлитому на кухонном столе.

Через восемь дней, считая этот понедельник, она станет женой. Жизнь в очередной раз вывернулась наизнанку, подвесив несчастную Юльку между радостью и отчаянием. Пару месяцев назад мужчина, которого неискушенная девушка считала самым-самым, возмутительнейшим образом променял ее на другую, оставив после себя лишь горькое разочарование и пятинедельную беременность. Предновогодние месяцы закрутили Юльку в вихре событий, как ураган девочку Элли из Канзаса, и шмякнули ее обратно на грешную землю, оставив беременность и снабдив для равновесия новым женихом.

Когда она была маленькой, сосед по даче, вечно чумазый Шурик, в один из жарких дней самым зверским образом решил над ней подшутить, вылив на дремавшую на солнышке Юльку ведро холодной воды. Она тогда долго с воем носилась за хулиганом, ломая смородиновые кусты и дрожа от пережитого ужаса. После встречи с Сергеем внутреннее состояние Юльки было равноценно тому, что она пережила тем давним летним днем. Более того, ей казалось, что ее не просто обдали ледяной водой, но и треснули ведром по голове для закрепления эффекта. Юлькина проблема была в том, что она никогда не влюблялась, поэтому оценить результат встречи с Сергеем потрясенная девушка смогла не сразу. Это была не просто любовь, это было что-то сродни помешательству. Слово «любовь» казалось коротеньким и банальным рядом с тем чувством, в котором купалась и тонула Юлька. Так хотелось, чтобы жизнь наконец-то стала простой и понятной, чтобы реальность поделилась на черное и белое, как костюм жениха и платье невесты... А все оказалось сумбурным и зыбким: и мысли, и планы, и

даже само счастье. Судьба, как пьяный художник, сдвинув набекрень бархатный берет, прошлась малярной кистью по палитре и все перемешала. Вместо шедевра на мольберте оказалось непонятное пятно с претензией на воплощение счастья. Свадьба... Разве не об этом она мечтала? И да, и нет. Свадьба состоится, но не будет гостей, белого платья, хрустальных бокалов и машины с шариками. Зато появится жирный штамп в паспорте, подтверждающий все права на любимого. Так захотел Сергей, а она не отважилась спорить. Пусть все будет, как ему хочется. Какая разница? Главное, быть рядом, слышать его голос, чувствовать на себе его взгляд... Аутотренинг не помог. Разница была, несмотря на все попытки доказать себе, что конфетно-сладкий праздник лишь мишура. Вот хотелось ей этой мишуры, хоть ты тресни! Хотелось шагать по прямой дороге к манящей и волнующей линии горизонта, а вместо этого приходилось скакать трусливым зайцем по придорожным кустам: вроде и движешься к светлому будущему, а в то же время как-то несолидно получается, не возвышенно. Юлька обожала Сергея, она готова была стелиться впереди него красной ковровой дорожкой для почетных гостей, летать по кухне, готовя то, что он любит, и даже гладить шнурки, если возлюбленный того пожелает. Ей казалось, что судьба ошиблась: невыспавшийся Амур случайно подстрелил педантичного и серьезного владельца небольшого бизнес-центра и бросил его к ногам худенькой, большеглазой и крайне несчастливой в личной жизни девчонки. Весы фортуны ходили ходуном, как качели: подкинув бедную Юльку к небесам, они тут же со свистом полетели вниз, заставив ее сжаться от ужаса.

Юлька наотрез отказалась переезжать к Сергею до свадьбы. Жених отнесся к ее упорству с пониманием, подумав, что маме это, безусловно, понравится. Тамара Антоновна давно отчаялась женить лысеющего сына, тихо кисшего на работе и не озабоченного устройством личной жизни. Она уже дозрела до той стадии, когда любая невестка принимается на «ура». Тем не менее рисковать Сергей не хотел: конфронтация молодой жены и свекрови способна разрушить даже самый крепкий брак и основательно расшатать нервную систему не только противоборствующих сторон, но и нейтрального супруга.

Сергей знал о Юлькиной беременности, поэтому торопился со свадьбой. Он считал, что это только их дело, чьего ребенка носит его жена. Получив исчерпывающую информацию о биологическом отце малыша, он успокоился и перестал терзаться сомнениями на тему возможного появления в их жизни еще одного папаша. Сергей решил, что если этот хлыщ попытается вмешаться в их жизнь, то он лично сотрет его в порошок.

Он, как и Юлька, был счастлив. Но в отличие от щепетильной невесты факт беременности его не особо волновал. Сергей вообще практически не задумывался о грядущем отцовстве. Мельком оценив свое материальное положение на ближайшие десятилетия, он сделал вывод, что способен дать ребенку нормальное образование и вывести в люди. Поскольку сам он рос без отца, роль мужчины в семье будущий муж представлял себе очень приблизительно. Он был готов любить Юлькиного ребенка. Под словом «любить» Сергей подразумевал совместное проживание, воскресные семейные прогулки, материальное обеспече-

ние всех малышей потребностей и вечерние игры в шахматы с подросшим отпрыском. Моральные моменты его тоже не терзали. Желания во что бы то ни стало завести собственного сына, как говорится, плоть от плоти, он в себе не чувствовал. К будущим тяготам семейного быта Сергей относился философски, делая ставку на Юлькину покладистость и свой хороший характер. То, что первый год с ребенком — сущий ад, он не верил, поскольку окружающие заводили в квартирах не только детей, но и змей, медведей и даже крокодилов. Он совершенно логично рассудил, что вряд ли ребенок окажется страшнее крокодила или опаснее гремучей змеи. Сергею было проще: жить с чистой совестью легко и приятно. А Юлька тем временем находилась на пике моральных переживаний. Выходить замуж беременной было ужасно. Она ощущала себя героиней пошлого водевиля, коварной преступницей, хитростью заманившей в свои сети хорошего человека.

На осторожный Юлькин вопрос, как быть с его мамой, Сергей невразумительно пожал плечами и ответил, что с мамой надо как минимум познакомиться.

— Ты же прекрасно понимаешь, о чем я! — в отчаянии пробормотала Юлька.

Сергей, безусловно, понимал, о чем речь. Он считал, что маме, как и всем остальным, совершенно незачем знать, что ребенок не его, а патологически честная Юлька продолжала мучиться и всячески уклонялась от знакомства с будущей родственницей, периодически раздражая Сергея своими робкими попытками перетянуть его на свою сторону. Начинать жизнь с вранья Юлька не хотела.

До свадьбы оставалась неделя, Тамара Антоновна изнемогала от любопытства и изводила Сергея наво-

дящими вопросами. Дальше тянуть было нельзя, пора было знакомить невестку со свекровью, тем более, что жених уже был представлен Юлькиным родителям. Галина Даниловна, Юлькина мама, изо всех сил старалась понравиться будущему зятю. Она была уверена, что «старый холостяк», которому через пару лет исполнится сорок лет, имеет весьма искаженное представление о тещах, основанное лишь на содержании анекдотов и рассказах неудачно женившихся приятелей. Имея на руках так некстати забеременевшую дочь, Галина Даниловна изо всех сил пыталась наладить контакт и с трепетом ждала официального предложения. К концу вечера, когда нарезавшийся до кондиции отец семейства начал тихо сползать под стол, Сергей интеллигентно завершил встречу, кратко сообщив будущей теще, что они с Юлей решили пожениться.

— Конечно-конечно, мы с отцом рады! — с облегчением выдохнула Галина Даниловна и пнула всхрапнувшего мужа.

— Наливай, — промычал супруг.

— Это он на радостях, — виновато пояснила Галина Даниловна. — Обычно он не пьет, у Юленьки хорошая наследственность, вы не беспокойтесь.

На этот счет Сергей абсолютно не беспокоился. Весь вечер он тяготился мыслью, как попросить у родителей Юлькиной руки. Будучи логиком, он отмел варианты, предполагавшие дискуссию на эту тему, и выбрал единственный, на его взгляд, стоящий: не просить руки, а сообщить, что он ее уже получил. В конце концов, все присутствующие в курсе цели собрания, поэтому он лишь констатировал факт:

— Мы подали заявление в загс. Свадьба через две недели.

И вот настала Юлькина очередь знакомиться со свекровью. Судя по тому, что рассказывал Сергей, Тамара Антоновна была ангелом во плоти и перемещалась по квартире, хлопая белыми крыльями. Ближайшая Юлькина подруга Аня уже имела счастье побыть замужем. Если бы не мать ее второго мужа, то, возможно, жизнь любимой подружки сложилась бы иначе. В памяти счастливой невесты всплывали смутные воспоминания об Анькиных рассказах про «мamu» и расплывчатым злобным привидением колыхался образ самой Марии Сергеевны, пару раз встреченной Юлькой живьем. Она холодела и тряслась, пытаясь убедить себя, что Сергей ее в обиду не даст.

— Не знаю, не знаю, — вводил ее в ступор неуверенный Анькин голос, сурово гундосивший в телефонную трубку. Подруга простудилась, и только переживания по поводу того, что микробы могут перепрыгнуть на беременную Юльку, удерживали Анну от очной встречи с проведением наглядного инструктажа. — Мужики обычно становятся невменяемыми, когда дело касается их мам. Ты особо-то на него не рассчитывай, отбивайся сама.

Юлька не готова была отбиваться. Ей страстно хотелось понравиться неведомой Тамаре Антоновне, но, имея беременность в анамнезе, это было сложно.

— Ты не вздумай пузом размахивать! — предостерегла ее Анька, поймав исходявшие от Юльки флюиды. — Ее это не касается!

— Я же врать не умею! — ныла Юлька.

— А кто просит врать? Что, сложно просто промолчать, когда не спрашивают?

— А если спросят?

— Конечно, спросят! — раскипятилась Анька. —

Как только войдешь, так она сразу с порога к тебе: а не беременна ли ты, часом, невестушка? А не от Костики ли ты носишь?

— Дура! — обиделась Юлька.

— Сама дура! — не сдавалась Аня. — А Сергей тоже считает, что маме надо все рассказать?

— Нет, — с неохотой призналась Юлька.

— А что сказала твоя маман?

— Вы все сговорились! — возмутилась Юлька. — Меня окружают беспринципные вруны!

— Если тебе кажется, что весь мир сошел с ума, а ты одна нормальная, сходи к психиатру, он тебя переубедит! — гоготнула Анька и издала победный клич слона.

Юлька шархнула от трубки, поворачивала глазами, пытаясь восстановить слух в пострадавшем ухе, качнула головой и осторожно спросила:

— Что это было?

— Сопли, — коротко пояснила Анька. — Сморкаюсь я, уж извините. А еще чихаю и кашляю, так что не пугайся. Будь мужественной, дитя мое!

Анька отсоединилась, а Юлька еще некоторое время соображала, к чему относилась ее последняя фраза: к визиту в логово свекрови или к последующему общению с простуженной подругой.

Галина Даниловна сидела на кровати в окружении вороха тряпок и напряженно смотрела на угрюмую дочь.

— Нечего надеть, — печально констатировала Юлька, сердито плюхнувшись рядом.

— Мне это надоело! У тебя невероятно испортил-

ся характер, — проворчала мама. — Если все это надеть нельзя, то давай выбросим.

— Не придирайся к словам! У меня нет подходящего костюма для знакомства со свекровью, а не для похода в приличное место! — возмутилась Юлька, в последней надежде перекапывая юбки и блузки, в беспорядке валявшиеся вокруг.

— Тебе нужен специальный маскарадный прикид? — ехидно поинтересовалась мама. — Может, костюм Бэтмена? Старушка будет в восторге. Можешь быть уверена, после твоего визита остаток дней она проведет в психиатрической лечебнице, а возможно, сразу переедет на кладбище, чтобы не мешать вашему счастью.

Мама сурово выдернула из-под молчаливой Юльки бархатную юбочку и, тщательно расправив ее, с недоумением спросила:

— Чем тебе это не подходит?

— К ней блузки нет, — односложно ответила надувшаяся дочь. Предложение нарядиться Бэтменом она расценила как намек на наличие трофейных рожек после битвы с предателем Костиком.

— А беленькая? — удивилась мама.

— Я же не на пионерский костер собираюсь, — мотнула головой невеста.

— Да уж, — съязвила мама. — Для пионерки ты старовата. Даже для комсомолки возраст уже не тот. Ты на сегодняшний день должна быть либо в партии, либо в полете.

— Мам, твои намеки неуместны. Про возраст я помню. Не пытайся меня оскорбить, не получится.

— Как тебе не стыдно! — всплеснула руками Гали-

на Даниловна. — Я просто хочу привести тебя в чувство. Относись к ситуации проще.

— Я не могу проще. У меня судьба решается! — Юлька готова была впасть в истерику.

— Да послушай ты меня хоть раз в жизни, — с драматическим надрывом произнесла Галина Даниловна. — Его матери столько лет, что девица в пионерской форме ей непременно понравится!

— Его мать не намного старше тебя, лет на десять! — отомстила Юлька, с деланным равнодушием разглядывая голубой топик размером с носок новорожденного.

— Этот нельзя, — категорично заявила мама, пропустив мимо ушей оскорбительный намек на возраст. — Он меньше лифчика, ты будешь полуголой.

— Он тянется, — грустно сказала Юлька.

— А потом опять съезживается, это неприлично. Будущая свекровь тебя не поймет!

— Поймет, не поймет, — пробормотала Юлька. — Можно подумать, это она на мне женится!

— Так и есть! Старым холостякам жен выбирают матери. Именно поэтому многие из них так и умирают одинокими. — Мама выдернула из Юлькиных рук топ и положила его в шкаф с таким выражением лица, словно приговаривала несчастную одежду к пожизненному заточению.

— Он не старый, — решила поперекаться упрямая Юлька.

— Но, надеюсь, все-таки холостяк? — хмыкнула мама. — Хотя, если тебе охота спорить, пожалуйста. Я вообще могу уйти, ковыряйся тут сама.

Сама Юлька не хотела. Ей нужен был виноватый на тот случай, если переговоры на вражеской террито-

рии пройдут неудачно. Тогда все можно будет свалить на неправильно выбранную одежду.

В результате долгих препирательств она выбрала обычную белую блузку и ту самую бархатную юбочку, которую откопала мама.

— М-да, ну и где алый галстук? — скептически оглядела она в зеркале свое отражение.

— А значок тебе не нужен? — поинтересовалась Галина Даниловна, с удовлетворением оглядев дочь.

Сергею невеста тоже понравилась.

— То, что надо, — порадовал он Юльку. — Мама будет в восторге. Ты в ее вкусе.

Юлька ехала на смотрины с четким ощущением, что замуж она выходит все-таки за Тамару Антоновну.

Квартира Сергея потрясла неискушенную Юльку великолепием и облизанностью евростандартовского ремонта. При входе в хоромы возникла небольшая заминка, поскольку невеста смалодушничала и попыталась спрятаться за спину жениха, который в свою очередь галантно пропускал ее вперед. Юлька вцепилась в косяки так, что побелели пальцы, но, наткнувшись на недоуменный взгляд Сергея, с независимым видом уставилась на потолок и решительно шагнула навстречу опасности.

«Опасность» исходила от маленькой пожилой женщины, стоявшей посреди ярко освещенного коридора в темно-вишневом вязаном платье, украшенном белым кружевным воротничком. Она, сцепив худые руки, преданно смотрела на Юльку внимательными серыми глазами.

— Моя мама — Тамара Антоновна, — гордо про-

возгласил Сергей, вытряхивая Юльку из пальто. — Мамуля, знакомься — это Юля.

Юлька затопталась у вешалки, чувствуя себя без пальто абсолютно голой. Мамуля радостно улыбнулась и взмахнула руками:

— Очень, очень приятно познакомиться. Сережа много о вас рассказывал.

Юлька в ужасе смотрела на грязную лужу, вытекавшую из-под ее сапог. Сменную обувь она взять забыла.

— Сережа, что ты встал? Предложи Юленьке тапочки, — засуетилась мама.

— Я все уберу, — убитым голосом проблеяла невеста.

— Вы с ума сошли, деточка! — ахнула Тамара Антоновна и посеменила в глубь квартиры за шваброй. Последующие несколько минут прошли в веселом перетягивании швабры. Победила Юлька. Будущая свекровь не сдала позиций, сделав несколько умопомрачительных прыжков вслед за активно вытиравшей пол невесткой. Знакомство состоялось. Неприятное напряжение было сглажено совместной уборкой и комизмом ситуации. Сергей, привыкший к Юлькиной неординарности и потрясающей способности рядовое событие превратить в форс-мажор с непредсказуемыми последствиями, был постоянно начеку. Отсутствие поломанной мебели и бытовых травм в процессе первых минут встречи его чрезвычайно порадовало.

Тамара Антоновна с материнской нежностью разглядывала худенькую Юльку, гулявшую по квартире в скромном наряде престарелой пионерки.

— Я так рада, что вы не похожи на современных девиц, — пробормотала она, когда будущая невестка,

не выдержав пристального взгляда будущей свекрови, вопросительно уставилась на нее, оторвавшись от созерцания живописи, обильно украшавшей стены гостиной. — Вы не такая, как эти вертихвостки на улице.

Тамара Антоновна откровенно подлизывалась, но Юлька, с самого начала встречи чувствующая себя хитро замаскированной мышеловкой, трактовала все комплименты не в свою пользу.

«Понятно, — с неприязнью подумала она, растянув губы в вежливой улыбке. — Намекает, что я не современная и плохо одетая простушка. Знала бы она, что я еще, плюс ко всему, и не девица вовсе...»

Тамара Антоновна была счастлива. Девочка оказалась скромной, милой и приятной внешне. При всем своем нечеловеческом желании устроить судьбу сына и принять любой его выбор, она все же слегка опасалась, что неопытный в любовных делах Сереженька может быть обманут какой-нибудь алчной и непорочной девицей. Ее ближайшая подруга, Елизавета Львовна, мать лучшего Сережиного друга, услышав о грядущей свадьбе, инструктировала бедную женщину каждый день, сдабривая свои страшные рассказы ужасающими примерами из жизни знакомых, мало-знакомых и вовсе незнакомых людей. Сама Елизавета Львовна, сурово охранявшая сына от дамских посягательств и разгонявшая нежелательных невест, как дворник пожелтевшую листву, недавно стала жертвой собственной разборчивости. Перед самым Новым годом Тамара Антоновна впервые была приглашена на смотрины, поскольку Вадим, сын Елизаветы Львовны, был настроен самым решительным образом: женюсь, и все тут! Тамара Антоновна долго не могла прийти в

себя после того страшного вечера. Вадик привел в дом чудовищно вульгарную, невоспитанную девушку, обвешанную возмутительно дорогими украшениями и напившуюся за недолгое время пребывания в квартире до свинского состояния. Самым диким в создавшейся ситуации было то, что Вадик смотрел на невесту с обожанием, а Лизочка, глядя в окно на застрявшую в сугробе головой гостью, прошептала:

— А вот это не такой уж плохой вариант. Надо с ней только немного поработать.

Когда Сергей неожиданно сообщил матери, что у него тоже есть невеста, Тамара Антоновна, находясь под впечатлением недавних смотрин у Лизы, испытала смешанное чувство ужаса и счастья. Если решительная и властная Лиза могла «поработать» с невесткой, то интеллигентной и мягкой по характеру Тамаре Антоновне это было не по силам.

Томочка выросла в семье инженера и учительницы русского языка. Из родственников она знала лишь дядю, папиного брата. Женился он поздно, жил где-то в Средней Азии в военном городке, приезжал к ним только однажды по каким-то служебным делам. Он был большим, шумным, показывал фото своей семьи и рассказывал веселые истории. Так Томочка узнала, что где-то далеко у нее есть двоюродная сестра. Родных братьев и сестер у нее не было. Родители любили друг друга еще со школы, отец прошел всю войну и один из немногих вернулся живым и невредимым. Папа с мамой жили душа в душу, девочка росла в любви и ласке, не слыша скандалов, не зная семейных ссор и размолвок. К восемнадцати годам ее жизненный опыт приравнялся к опыту пятилетнего ребенка. Ее родители не воровали, не брали взяток, которых им ни-

кто и не давал, не пили и не дрались. Томочка была открытой и общительной, но ребята откровенно посмеивались над ее наивностью. Многие ее одноклассники жили в неполных семьях: у кого-то отцы не вернулись с Великой Отечественной, у кого-то умерли от ран уже в мирное время, кто-то тихо спивался, а кто-то спивался так, что на крики избиваемых домочадцев вызывали милицию. Работавшие из последних сил строители социализма не уделяли своим детям достаточно времени, поэтому Томочкины ровесники рано выросли, начинали курить, выпивать, а некоторые девушки даже знали, где делают подпольные аборты.

Самой близкой ее подругой стала Лиза. Они жили в одном доме, на одной лестничной площадке, но тесно никогда не общались. Их дружба, длившаяся больше полувека, началась морозным зимним вечером, когда Тамара возвращалась из библиотеки. Сколько она себя помнила, мама всегда запрещала ей ходить вечером через парк. А Томочка ходила, потому что так было ближе и можно было прокатиться пару раз на горке, тем более что за все годы никогда ничего не случилось. Именно в этот вечер дороги девушки и недавно освобожденного уголовника пересеклись.

Уголовник брел по сумеречной аллее, кутаясь в дырявую телогрейку. Он выбирал малолюдные места, боясь попасть на глаза патрулю. Выглядел он крайне подозрительно, а справка об освобождении была не лучшим документом для предъявления милиции. В те годы отношение к тунеядцам было суровым, карались они безжалостно, а бывший зэк все никак не мог устроиться на работу. Есть было нечего, жить негде, и вернуться к нормальной жизни не представлялось возможным. К тому же в этот морозный вечер невероят-

но хотелось выпить. Он не был алкоголиком, ему просто нужно было немного согреться. Да и съесть что-нибудь, чтобы успокоить сходящий с ума желудок, тоже было бы неплохо.

Девчонка с толстой, набитой чем-то тяжелым сумкой неуверенно семенила ногами по скользкой дороге. В сумерках уголовник не разглядел ее лица, да и незачем было на нее смотреть. Он молча рванул на себя сумку, страшно взглянув ей прямо в глаза. Он умел смотреть так, что даже бывалые зэки отступали под этим змеиным взглядом.

Томочка, впервые столкнувшись с темной стороной жизни, даже не смогла толком испугаться. Она тут же закричала, помня, что в случае нападения надо кричать как можно громче, и тогда обязательно придет милиция. Бывший зэк, привыкший, что жертвы, парализованные ужасом, не сопротивляются, не ожидал, что малолетняя дуреха завоюет на весь микрорайон. Коротко замахнувшись, он ударил ее в грудь. Томочка упала навзничь, выпустив из рук сумку. Почувствовав, что добыча перекочевала в его руки, мужик понесся прочь, грохоча сапогами по льду.

Тамара смотрела на темное небо, на котором не было ни луны, ни звезд. Только размытые черные силуэты туч медленно плыли над ней, да ледяной ветер равнодушно заносил ее колким снегом. Девушка попыталась подняться и застонала от тягучей боли. Видимо, какое-то время она была без сознания, потому что руки и ноги заledenели настолько, что наотрез отказывались повиноваться хозяйке. Единственное, на что соглашалось окоченевшее тело, перекачиваться. Через несколько минут невероятных усилий она уткнулась в сугроб и поняла, что катилась не в ту сторо-

ну. У нее не было сил вернуться на середину дороги. Девушка прикрыла глаза и замерла, судорожно пытаясь найти выход из этого кошмара. Она уже начала засыпать от холода, когда вдалеке послышались невнятные голоса. Это была пара. Полная низенькая женщина, кокетливо хихикая, висла на руке высокого плотного мужчины. Он развлекал спутницу героическими фронтовыми рассказами. Заметив темное скрюченное тело, они, не сговариваясь, молча быстро прошли мимо и почти бегом скрылись в темноте. Томочка даже не смогла позвать на помощь: губы не шевелились, а из горла раздалось лишь невнятное шипение. Еще несколько раз вспыхивала и в тупом отчаянии гасла надежда на спасение. Женщина с авоськой торопливо прошла мимо, что-то нечленораздельно и зло пробормотав в сторону заметаемого снегом силуэта. Еще для одной пары она стала наглядным пособием и поводом для дискуссии на тему пьянства. Правда, красноносый мужик из солидарности предложил дотащить «алкашку» до отделения милиции, но жена, визгливо ругаясь, поволокла его дальше. Томочка в оцепенении лежала под ночным небом и прощалась с жизнью. Слез не было. Только недоумение, осознание людской черствости и потрясение от столкновения с реальной жизнью заставляли мозг функционировать. Она не верила в бога. Церквей в те годы почти не было, молиться было стыдно, а сам бог был заблуждением темных, доживающих свой век старух. Томочка вспомнила бабушку, истово молившуюся по вечерам перед маленькой иконкой и заботливо прятавшую ее в шкафу.

«Господь всегда поможет, господь всемогущ, он не в церкви, он в сердце», — сурово говорила бабуля и заставляла Томочку целовать край иконы. Рассказы-

вать об этом родителям было строго-настрого запрещено. Маленькая Тамара повторяла за бабушкой непонятные слова и крестилась. Все это было очень-очень давно, бабушка умерла, а слова молитв стерлись из памяти.

Девушка посмотрела в черное мертвое небо и подумала, что, если где-то там есть бог, он должен помочь, потому что бабуля говорила, что он велик и справедлив, а то, что произошло сегодня с ней, несправедливо.

«Господи, помоги», — повторяла Томочка про себя. Апатия прошла, горло сдавил спазм, и по виску потекли горячие слезы.

— Э, ты кто? Ты чего тут? — Над лежавшей появилось знакомое лицо. Кто это, Томочка вспомнить не могла, только молила взглядом не бросать. Губ она уже не чувствовала.

Это оказалась Лиза. Дочь запойной тети Кати, безотцовщина, «не пара», как говорила мама. Лиза вечно ходила в чужих обносках, плохо питалась и для своих четырнадцати лет выглядела как третьекласска.

Каким образом хрупкая слабенькая девочка дотащила Тамару до людного места, Лиза и сама потом не могла вспомнить. Просто тащила, и все.

— А как в войну медсестры раненых носили? — серьезно и рассудительно ответила она Томочкиным родителям, пришедшим к ней со слезами благодарности и забравшим к себе попить чай. Они сидели за круглым столом, на котором стояли красивые вазочки с вареньем, большой бело-голубой чайник и такие же чашечки. Лиза впервые попала в такой дом и чувствовала себя Золушкой.

Через несколько дней Томочку выписали из боль-

ницы, того самого зэка поймали во время очередного ограбления, а Лиза стала постоянной гостьей в их доме.

Ближе и преданней подруги у Тамары никогда не было. Разница в возрасте вскоре сгладилась и стала незаметной. Лизина рассудительность и практичность замечательно уравновешивали Томочкину наивность и доверчивость. С годами роли поменялись: властная и импульсивная Елизавета стала прислушиваться к мнению Томочки, ставшей со временем более уравновешенной и рассудительной. Но в юности первую скрипку всегда играла Лиза. Единственный раз, когда Томочка не послушала подругу, была внезапно нагрянувшая любовь.

Томочка созрела для семейных отношений, тело и душа требовали выхода энергии, но объект выплеска нежных чувств отсутствовал. Лиза, поступившая на философский факультет университета, все силы бросила на учебу и к подружкиным переживаниям относилась снисходительно.

— Томик, будут тебе кавалеры! Мужики в жизни не главное.

— А что главное? — возмущалась Томочка. — Человек рожден для любви.

— Будет тебе любовь, не беги впереди паровоза, — улыбалась Лиза.

На майские праздники их пригласили в общежитие студентов-химиков. Вернее, пригласили Лизу, а она взяла с собой Томочку, находившуюся в активном поиске женихов.

— Ой, как здорово! — прыгала Тамара и хлопала в ладоши, словно девочка, собирающаяся впервые на елку в детский сад.

На этом судьбоносном вечере она и познакомилась с Мишей. Симпатичный худощавый парень оказался без пяти минут медиком. Он заканчивал последний курс мединститута и срочно искал девушку с пропиской и со связями, поскольку впереди маячило распределение, а приехавшему из далекого уральского села пареньку страсть как не хотелось возвращаться на родину. Мишина успеваемость оставляла желать лучшего, звезд он с неба не хватал, поэтому Томочка подвернулась как нельзя более кстати. Связей у нее не было, зато за нее можно было зацепиться, как за корягу в мутной реке жизни. Миша использовал единственный шанс стать городским жителем, вырвавшись из своего захолустья. Роман их был бурным и скоротечным. Итоговой точкой явилась скромная свадьба и молниеносная прописка в квартиру невесты.

Лиза, моментально раскусившая хитрого провинциала, в своих попытках открыть Томочке глаза едва не утратила права называться ее подругой. Предотвратить свадьбу она не смогла, поэтому ограничилась лишь свирепыми взглядами в сторону жениха со своего почетного свидетельского места.

Миша оказался неожиданно хорошим мужем. Сказалась деревенская закваска. Он все тащил в дом, не пил и был умеренно рукастым. Во всяком случае, ни сломанных полочек, ни отвалившегося кафеля в квартире не наблюдалось. С Томочкиными родителями он замечательно ладил, жену не обижал, но и не особо баловал.

Лиза заходила к ним редко. Она ждала своего единственного, усиленно занималась, мечтая сделать карьеру. Мишу, несмотря на все его положительные

качества, Лиза терпела с трудом, поэтому встречались подруги редко.

Однажды, когда Сереже исполнилось три года, Томочка решила сделать любимому мужу сюрприз и нагрянула поздно вечером к нему на работу. Принесла горячий ужин. Впоследствии, когда она, захлебываясь слезами, рассказывала подруге подробности произошедшего, Лиза только качала головой, поражаясь наивности Томочки.

— Ну, разве можно появляться, как снег на голову? Мужика надо предупреждать о сюрпризах, чтобы чего не вышло! Меньше знаешь — крепче спишь!

Но Томочка давилась рыданиями, утопая в своих трагических переживаниях.

— У двух любящих людей не должно быть тайн друг от друга! — всхлипывала она, пачкая Лизину кофточку слезами, смешанными с тушью.

Ситуация была банальной до зубовного скрежета. Влетев в ординаторскую с горячим жирным борщом в литровой баночке, она увидела своего Мишаню в позе лихого кавалериста. Роль кобылы исполняла молоденькая брюнетистая медсестра. Повернув голову, девица прикрикнула на застывшую в дверях Тамару:

— Больная, закройте дверь с той стороны! У нас совещание!

— Ты сама больная! — взвизгнула обычно тихая и интеллигентная Томочка, метнув в «буденновца» свой сюрприз. Банка с грохотом разбилась о стену, окрасив белый кафель веселыми борщевыми брызгами.

Потрясенная увиденным, она побежала по полутемному больничному коридору и на выходе из отделения наткнулась на Галину, пожилую медсестру, с которой у них в последний год сложились более-ме-

нее дружеские отношения. Галя поняла все сразу, но, в своем порыве утешить обманутую жену, она, как неопытный сапер, умудрилась перерезать не тот провод:

— Да не переживай ты, деточка! У нас все врачи так делают, ничего в этом зазорного нет! Ночь же, чем заняться-то?

В ее голосе было столько искреннего недоумения, что Тамара сразу поняла, как проходили частые ночные дежурства любимого мужа, после которых он возвращался абсолютно измочаленный и падал отсыпаться.

Когда утром Миша вернулся домой, его вещи уже стояли на лестнице. Он правильно понял ситуацию и повел себя более чем благородно. Квартиру и имущество они не делили, ушел блудный муж тихо, без скандала, и исправно платил алименты на Сережу, не претендуя на встречи с сыном. Возможно, он не любил мальчика, а может быть, ему просто было стыдно, но факт оставался фактом: отца Сережа больше так и не увидел. Психологическая травма, нанесенная наивной и романтичной Томочке, была настолько глубокой, что она едва не решилась наложить на себя руки. Только здравый смысл и круглосуточные Лизины дежурства у ее постели удержали Тамару от самоубийства. За муж она так больше и не вышла, посвятив свою жизнь сыну.

И вот теперь пришла пора отдать Сереженьку другой женщине. К огромному облегчению Тамары Антоновны, женщина эта оказалась вполне достойной.

Юлька сидела за столом, напряженно улыбаясь и судорожно притиснув локти к бокам. Тамара Антоновна засыпала ее вопросами, желая выяснить все под-

робности биографии будущей невестки. Юлька чувствовала себя Зоей Космодемьянской на допросе у немцев. Единственное, о чем она мечтала: чтобы это собеседование как можно скорее закончилось. Тамара Антоновна оказалась милейшим человеком. Она настолько бесхитростно выпытывала информацию о возможных дефектах невесты любимого сынули, что Юльке стало невыносимо стыдно обманывать эту поддельски улыбающуюся пожилую женщину. Она приняла Юльку как родную, смотрела с обожанием и даже сама предложила разъехаться, чтобы не мешать молодым. Тамара Антоновна казалась пугающе идеальной свекровью. Нереальность происходящего напрягала, Юлька ждала подвоха, хотя проблема была в ней самой.

Во время торжественного чаепития Сергей официально объявил матери день свадьбы. Тамара Антоновна закудаhtала, разнервничалась, словно весть о свадьбе долетела до нее впервые, и начала судорожно переставлять вазочки на столе.

Когда она закончила рокировку чашек, основательно расплескав их содержимое, сын огорошил ее сообщением о том, что свадьбы как таковой не будет. Они только распишутся, а потом поедут вдвоем в ресторан.

— Вдвоем! — Голос Тамары Антоновны дрогнул, и она покрылась красными пятнами. Юльке впервые захотелось дать Сергею подзатыльник, чтобы он пролил свой чай, который в данный момент с довольным хлюпаньем втягивал в себя, заедая шоколадом. Она была абсолютно солидарна со свекровью: сообщение об отсутствии пышного торжества должно вызывать у нормальных людей именно такую реакцию.

Аккуратно сложив фантик от очередного «Мишки на севере», будущий муж наивно хлопнул глазами и пояснил свою умную мысль:

— Всех знакомых пригласить нереально, а если кого-то не включить в список приглашенных, будет смертельная обида. Зачем нам лишние проблемы? Наша семья — это наше личное дело. Я не хочу, чтобы целая орава народа, перепившись, орала «горько!» и смотрела, как мы целуемся. Тем более что к середине застолья все забудут, зачем пришли.

Огорошенная Тамара Антоновна машинально крошила на блюдечко сдобную булочку, словно собиралась пойти кормить голубей:

— А-а... А ваши родители не обидятся, Юленька? Или они еще не знают? — Голос матери дрожал.

Юлька моментально вспомнила мамину реакцию на то, что ей не удастся похвастаться перед подружками шикарным зятем, прокатиться на лимузине с колечками и рассказать во всеуслышание сытым и довольным гостям о том, как она воспитывала дочь, терпела тяготы и лишения и, наконец, вырастила замечательную красавицу, которая нашла себе достойного супруга.

— Это как понимать? — завопила мама, грохнув кулаком по столу так, что упала салфетница, салфетки из которой белыми чайками спланировали на пол. — Я уже всем рассказала, что ты выходишь замуж!

— Ну и зря, — тихо пробормотала Юлька, пятясь к выходу. — Моя свадьба не повод для пьянки.

— Конечно, а что еще надо для счастья твоей матери-алкоголичке? — Мама уперла руки в бока и обрушила свой гнев на съездившегося в углу супруга: —

Боря! Ты слышал? Мы ее растили-растили, а для чего? Все напрасно! Все зря!

— Мама! — Юлия попыталась внести коррективы в набирающий обороты скандал. — Мы распишемся, штамп будет...

— И что? Я буду ездить по знакомым и предьявлять им твой паспорт? Да кто мне теперь поверит?

— Галь, — робко вступил отец, — ну, выйдет девка замуж, и хорошо. Мы дома отметим. Какая разница...

— ...где напиться! — подхватила его мысль распавшаяся мама. — А что я людям скажу?

— Ты что, уже кого-то пригласила на свадьбу? — испугалась Юлька.

— Как я могу пригласить кого-то, если родная дочь мне даже дату свадьбы не сообщила? Все, мать не нужна! Выросла, понимаешь, и тьфу на вас, родители! Не нужны больше! Я теперь птица другого полета!

— Мама, что ты такое говоришь?! При чем здесь это? Сергей не хочет...

— Если у зятя нет денег, то мы с отцом уж наскребем!

— Он не из-за денег, он просто...

Как объяснить, почему Сергей не хочет веселого гулянья, Юлька не знала по той простой причине, что постеснялась спросить у будущего мужа: а почему, собственно, без гостей? Когда Сережа сказал, что, кроме них, никого не будет, Юлька оторопела до такой степени, что смогла лишь согласно кивнуть и как эхо повторить, что, мол, это он замечательно придумал.

— Моя дочь, как какая-то оборванка, тайком, без свадебного платья, с черного хода забежит в загс и распишется. Можно подумать, что вы собираетесь совершить что-то постыдное!